

Куль хлеба и его похождения, рассказанные С. Максимовым

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К90

К90 Куль хлеба и его похождения, рассказанные С. Максимовым / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 352 с.

ISBN 978-5-519-94949-1

ISBN 978-5-519-94949-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава I.

(ПРЕДИСЛОВІЕ).

Хлѣбъ — наша русская пища.

Хлѣбъ да соль!—говоритъ коренной русскій чело-
вѣкъ, привѣтствуя всѣхъ, кого найдетъ за столомъ
и за ѣдой.

— Хлѣба кушать! — непремѣнно отвѣчаютъ ему
въ смыслѣ: „Милости просимъ, садись съ нами, и
ѣшь“. Этимъ приглашеніемъ доказывается наше осо-
бенное русское свойство гостепріимства, которое по
этой причинѣ и называется чаще хлѣбосольствомъ.
Давно уже нами выговорено: „Брось хлѣбъ-соль на-
лѣсъ, пойдешь — найдешь“, т. е., накорми перваго
встрѣчнаго и незнакомаго, но голоднаго, потому что,
если и тебѣ самому захочется и придется попро-
сить ѣсть, никто тебѣ въ томъ не откажетъ. Хлѣбъ-
соль — заемное дѣло; хлѣбъ хлѣбу братъ, т. е., за
угощеніе—отвѣтъ, за любовь—отплата.

Хлѣбомъ и солью встрѣчаютъ и провожаютъ
русскіе люди всякаго желаннаго заѣзжаго гостя и
подносятъ хлѣбъ-соль дорогому, любимому чело-
вѣку, которому желаютъ доказать почтеніе и по-
корность.

— Хлѣбъ да вода—солдатская ѣда!—хващаются
храбрые русскіе воины.

— Хлѣбъ — всему голова! — увѣряютъ трудолюбивые крестьяне, которые всѣхъ ближе и вѣрнѣе могутъ судить объ этомъ дѣлѣ: крестьянинъ землю пашетъ, хлѣбъ сѣетъ, собираетъ и продаетъ; тѣмъ бы богачъ деньги, кабы убогій не кормилъ его хлѣбомъ. Ни о чемъ такъ сильно не хлопочутъ, ни о чемъ такъ усердно не молятся Богу простые русскіе люди, какъ о ростѣ посѣяннаго хлѣба. Безъ хлѣба — не крестьянинъ. Хлѣбъ на столъ — и столъ престолъ, а хлѣба ни куска — и столъ доска. Безъ хлѣба несытно, безъ него и у воды худо жить, безъ хлѣба — смерть; хлѣбъ — даръ Божій, батюшка-кормилецъ.

Вотъ что выговорилъ русскій народъ про тѣ колосовыя растенія съ мучнистыми зернами, которыми онъ питается охотнѣе и больше сѣдуетъ всѣхъ другихъ народовъ цѣлаго свѣта. Вотъ какое уваженіе оказываютъ русскіе люди этимъ злакамъ, которыхъ посѣвъ и жатва составляютъ основу всей нашей русской жизни. Давно всѣми признано и доказано, что страна наша преимущественно земледѣльческая, а потому и самыхъ крестьянъ, или мужиковъ, всего умнѣе и справедливѣе привыкли называть хлѣбопашцами. И въ самомъ дѣлѣ, намъ указана для жизни на землѣ такая страна, гдѣ родятся всѣ роды хлѣббвъ: ячмень, рожь, овесъ, пшеница, гречиха, просо, рисъ и кукуруза. Поэтому, гдѣ только поселились русскіе люди, всегда тамъ засѣваются хлѣбныя растенія.

Господь, распредѣляя свои дары по землѣ, Русской землѣ удѣлилъ самую разнообразную почву и всѣ климаты Европы. Нашлось на ней мѣсто всѣмъ хлѣбнымъ злакамъ, которыхъ сѣмя, или зерно, употребляется человѣкомъ въ пищу. Тамъ, гдѣ

обильно родится виноградъ, гдѣ снѣгъ выпадаетъ только раза два-три въ годъ и всѣ разы лишь на нѣсколько часовъ,—за Кавказомъ, сѣютъ рисъ, т. е. самое нѣжное и прихотливое хлѣбное растеніе. Стоя почти все время жизни своей по самую верхушку въ водѣ, вырастаетъ это растеніе, извѣстное у насъ подъ именемъ сарачинскаго пшена и способное водиться только въ самыхъ теплыхъ южныхъ странахъ. Чтобы вырастить его, дѣлаютъ искусственныя болота, такъ какъ рисъ любитъ лишь влажную и сырую землю, и для того подлѣ рисовыхъ полей, или чалтыковъ, всегда наготовѣ

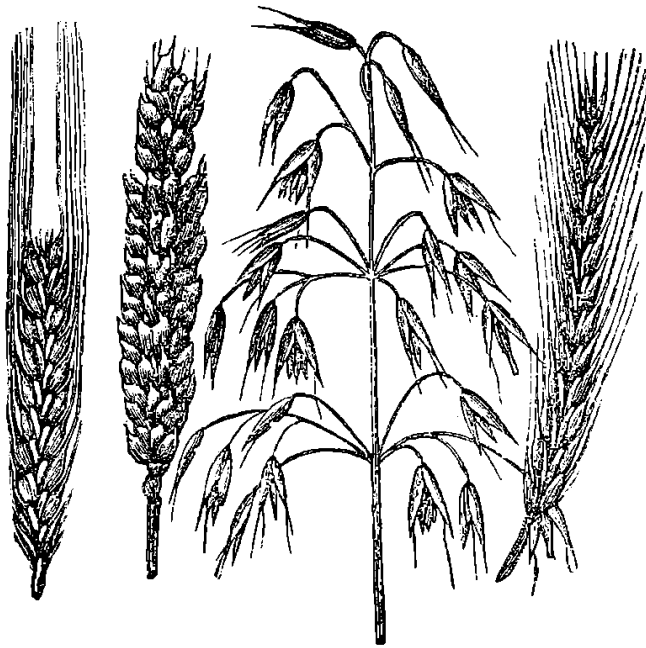


Рисъ посѣвной.

цѣлая сѣть канавъ, приводящихъ воду. Испаренія застоявшейся и загнившей воды въ тѣхъ мѣстахъ заражаютъ воздухъ и производятъ тяжелыя смертельныя лихорадки, но зато рисъ людей тѣхъ нездоровыхъ странъ спасаетъ отъ другой, болѣе лютой смерти—отъ голода. Пилавъ, или пловъ,—вареный рисъ съ разными прибавками, сорта которыхъ считаются

тамъ десятками, избавляетъ отъ смерти всю азіатскую бѣдность, а въ томъ числѣ и нашу закавказскую. Здѣсь эти пловы играютъ въ людской жизни столь же важную роль въ питаніи, какъ въ средѣ петербургской бѣдности картофель, селедки и цикорный кофе. По сторону Кавказа рисъ исчезаетъ. У береговъ Чернаго моря, гдѣ бывають уже холода, хотя и не продолжительные, и выпадаютъ снѣга, но не глубокіе, рисъ пропадаетъ. На мѣсто его могутъ воздѣлывать всегдашняго его сосѣда, не столь, правда, нѣжнаго и капризнаго—кукурузу, или маисъ. Тамъ, гдѣ зрѣетъ виноградъ на открытомъ воздухѣ, красуются охотно на чрезвычайно длинныхъ столбикахъ почковидныя шишки—зерновки этого растенія, расположенныя на мясистой оси въ 8 рядовъ. Въ юго-западномъ углу нашей Россіи, а въ особенности въ Бессарабіи, кукуруза опять выходитъ на выручку тамошней бѣдности, въ видѣ дешеваго и сытнаго блюда, такъ называемой, мамалыги—круто затертой и заваренной каши изъ кукурузной муки. Мѣстные бѣдняки ничего тамъ больше уже и не ѣдятъ. Кукуруза, или бѣлая пшеница, которою кормили богатырскихъ коней, но только въ сказкахъ, какъ пища, не соблазнительна, а потому въ тѣхъ же странахъ предпочитаютъ сѣять настоящую пшеницу. Пшеница—здѣсь полный властелинъ и хозяинъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ климатъ умѣренный, т. е., зима не сурова и теплое время стоитъ болѣе полугода, пшеница составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ земледѣлія. Съ нею рядомъ заѣввають и полбу, ея близкаго родича, и просо. Народъ не ѣстъ другого хлѣба, кромѣ пшеничнаго, и ржаной хлѣбъ—большая рѣдкость и лакомство для пріѣзжихъ съ сѣвера. Нерѣдко въ тѣхъ мѣстахъ ржаной

хлѣбъ можно достать только у солдатъ и матросовъ въ казармахъ: лавки имъ не торгуютъ. Растетъ пшеница только въ южныхъ губерніяхъ, и предѣлы роста поставлены въ строго опредѣленныхъ природою размѣрахъ. У насъ грань эта не доходитъ до истоковъ тѣхъ рѣкъ, которыя текутъ съ юга на сѣверъ, и



Ячмень. Пшеница. Овесъ. Рожь.

если нѣкоторые сорта пшеницы растутъ еще и за этой границей, то лишь какъ дорогіе гости, на долгое время пребываніе которыхъ рассчитывать невозможно. Тамъ, гдѣ обманывались этимъ, и сѣяли одну пшеницу, часто платились неурожаями и голодовками, изъ которыхъ не такъ давно всѣмъ памятна въ Самарской губерніи и въ смежныхъ съ нею уѣздахъ Оренбургской губерніи. Здѣсь указана природою полоса ржи. Но тамъ, гдѣ царство пше-

ницы, напимѣрь, въ Малороссіи, изъ пшена готовится также дешевое кушанье для всеобщаго народнаго потребленія. Это — кулешъ, т. е., кашаца вродѣ похлебки, въ скоромные дни со свинимъ саломъ или бараниной, а въ постные — съ коноплянымъ и подсолнечнымъ масломъ и рыбой таранью. Пшено отличается споростью, т. е., сильнѣе увеличивается въ размѣрахъ при кипяченіи въ горячей водѣ, а потому можно класть его меньше, чѣмъ другихъ крупъ.

Тамъ, гдѣ зима побѣждаетъ лѣто и холодъ стоитъ дольше тепла, т. е., ближе къ сѣвернымъ морознымъ странамъ, пшеница не устаиваетъ, часто мерзнетъ и обманываетъ надежды. Господство ея ослабѣваетъ, начинается царствовать матушка-рожь, батюшка-овесъ и гречиха — самые любимые хлѣбные злаки русскаго народа. Область гречихи и овса короче: царство ржи тянется далеко, даже и по такимъ землямъ, надъ которыми трещать морозы и семь мѣсяцевъ въ году лежать глубокіе снѣга. Рожь всѣхъ менѣе боится морозовъ; во время молодости переносить довольно значительный холодъ и прежде всѣхъ созрѣваетъ. Она господствуетъ еще тамъ, гдѣ ячмень, наиболѣе способный переносить суровый климатъ, употребляется только на пиво, но рожь сохраняетъ свое мѣсто и тамъ, гдѣ начинается полное царство ячменя. Граница аржаного царства доходитъ у насъ до Архангельска, гдѣ на поляхъ сѣютъ $\frac{2}{3}$ ячменя и $\frac{1}{3}$ ржи: рожь, стало быть, еще въ почетѣ. Если во всемъ аржаномъ царствѣ пшеничный хлѣбъ и пироги потребляются народомъ только по большимъ праздникамъ, какъ конфетка или пряникъ, то на сѣверныхъ предѣлахъ его та же честь воздается ржаному хлѣбу; его ѣдятъ послѣ обѣда, какъ пи-

рожное, и то не каждый день, а когда имѣютъ купленные запасы муки. Въ обыкновенномъ потребленіи ячменный хлѣбъ годенъ только въ тотъ день, когда испеченъ, и превращается на другой день въ сухой, твердый и невкусный комокъ, который и ножъ не беретъ. Съ такимъ хлѣбомъ, безъ рыбы и овощей, въ тѣхъ мѣстахъ бѣда была бы великая: да и теперь сплошь и рядомъ обѣдаютъ тамъ всѣмъ безъ хлѣба, особенно рыбаки наши на Бѣломъ морѣ и океанѣ. Поберегаютъ тамъ и ячную муку и крупу, потому что ячмень, какъ ни терпѣливъ, но слишкомъ жестокаго и сухого мороза боится, и хотя сѣютъ его прежде ржи въ холодной почвѣ, но стараются на поляхъ оставлять земляныя глыбы, для защиты сѣмянъ. На Кольскомъ полуостровѣ и яшное царство кончается: здѣсь положена самая крайняя грань, вмѣстѣ съ нимъ, всѣмъ хлѣбнымъ злакамъ.

Согласно этому природному дѣленію нашей родины на три царства: пшеничное, ржаное и яшное. народъ нашъ изъ всякаго зернового немолотаго хлѣба называетъ житомъ, какъ главнымъ жизненнымъ подспорьемъ, пшеницу въ пшеничной странѣ, на югѣ, рожь въ аржаной, на востокъ, и ячмень по всему сѣверному краю Россіи. Дальше тѣхъ предѣловъ, на которыхъ перестаетъ подниматься и вызрѣвать ячмень, не растетъ уже ни одного хлѣбнаго злака: прозябаютъ только мхи и лишай, и отъ лютыхъ морозовъ трескаются и разсыпаются гранитныя скалы. Не растетъ хлѣбныхъ растеній здѣсь, гдѣ кочуютъ дикіе народы, которые вовсе не имѣютъ понятія о хлѣбѣ и питаются кое-чѣмъ, а всего больше жиромъ морскихъ звѣрей и тухлой вяленой рыбой, безъ соли. Да въ теплой полосѣ, въ южныхъ степяхъ, попадаютъ мѣста, пропитанныя солью, напол-



Крестьянская изба.

ненныя солончаками, каковыя почти вовсе неудобны для разведенія хлѣбовъ. Однако и здѣсь русскіе люди, исконныя земледѣльцы, пробуютъ въ потѣ лица сѣять хлѣбъ по святой Божіей заповѣди, сказанной праотцу нашему Адаму.

Вотъ сбѣ этомъ-то хлѣбѣ и объ этомъ народѣ, воздѣлывающемъ хлѣбныя растенія и употребляющемъ преимущественно мучную, хлѣбную, крахмалистую пищу, я хочу разсказать и прошу моихъ разсказовъ послушать. Какъ, по пословицѣ, отъ хлѣба-соли никогда не отказываются, такъ и я кладу крѣпкую надежду, что вы не откажетесь дослушать до конца эти разсказы о хлѣбѣ или, лучше, исторію о кулѣ съ хлѣбомъ. Всякая погудка ко хлѣбу добра, — говоритъ нашъ народъ, да и моя — старая на новый лишь ладъ. Почему я началъ говорить именно о хлѣбѣ—сейчасъ объясню.

Отправимся прямо въ деревню.

Деревушка, какъ всѣ, раскинулась по полю, подлѣ лѣсу, либо на берегу рѣчки, либо, на худой конецъ, подлѣ стоячаго пруда, и не всегда около воды. Кто ее не видалъ — немного потерялъ: красоты никакой, а бѣдности и нужды столько, что и не видать бы лучше. Издали деревушка кажется темными кучками, разбросанными кое-какъ въ безпорядкѣ; вблизи распознаемъ въ ней улицу; по сторонамъ ея стоятъ избы, въ концѣ — часовенка; кое гдѣ колодцы; по серединѣ, обыкновенно, чтобы были всегда на глазахъ,—амбарушки или клѣти съ хлѣбомъ и другимъ домашнимъ добромъ. Въ глухихъ мѣстахъ ихъ даже не запираютъ. Избы, конечно, бревенчатыя, отъ времени почернѣлыя, внутреннимъ устройствомъ очень схожія, наружнымъ видомъ каждая силится отличаться. У домовитаго вычинена, старается казаться

опрятною; большая часть—запущенныя, обломанныя и неряшливыя, у самыхъ бѣдныхъ ушли въ землю и похожи либо на хлѣвы, либо на собачьи конуры. Трубы деревянныя, обгрызанныя и закопченныя; окошки покривились, двери на боку и отворенныя наружу, того и гляди, стукнуть въ спину входящаго. Крыши мѣстами сползли, мѣстами провалились, особенно крытыя, такъ называемою, дранью. Дрань на дождяхъ и снѣгахъ имѣетъ дурное обыкновеніе скоро сгнивать. Вмѣстѣ съ нею сгнивають и тѣ упорки и перекладины, которыя прилаживаются на крышѣ, чтобы слерживать дрань. На бѣду упорки по низу крыши должны быть съ жолобомъ, на которомъ постоянно застаивается вода, не имѣющая стока. Ближніе сосѣди разладились и расползлись въ разныя стороны, всякая туда, гдѣ ей показалось удобнѣе, а перекрыть лѣнь, либо недосугъ. По скорости, подправляютъ крыши соломой, и тогда еще обиднѣй: гдѣ чернѣетъ дрань, гдѣ торчитъ нестриженными хохлами солома, прикрѣпленная жердочками. Вѣтеръ подсмѣивается, потряхивая клочками соломы и шалить, сбрасывая ее пучками на такого же горемыку-сосѣда. А солома ползетъ, да ползетъ долой, а дождь ломить прямо въ потолокъ и черезъ него на носъ безпечныхъ хозяевъ,—конечно, всѣмъ имъ за то, что, по привычкѣ русскаго человѣка, не обращаютъ они вниманія на домашнія удобства, называемыя комфортомъ. Не знаютъ они прелести въ свѣтлой, чистой и хорошо освѣженной воздухомъ избѣ, а ищутъ въ жильѣ только теплоты и любятъ печь, нагрѣвая ее до того, что въ избѣ и душно, и нестерпимо жарко, и у жильцовъ, по ихъ же собственному выраженію, ребро за ребро задѣваетъ.

Большая часть избъ прямо крыта тѣмъ матеріа-